

Папины Истории

Eyforis Lurt

Eyforis Lurt

Папины Истории

«Автор»

2026

Lurt E.

Папины Истории / Е. Lurt — «Автор», 2026

«Волшебные путешествия» — сборник из 15 добрых сказок о дружбе, доброте и любви. Юные герои — светлячок, мышонок, дракончик и другие — отправляются в удивительные миры, где учатся быть смелыми, нежными и заботливыми. В каждом путешествии они находят верных друзей и открывают главную истину: величайшая магия — это сила любви. Истории с позитивным финалом подарят тепло и веру в чудо.

© Lurt E., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Плюша и Долина Забытых Сердец	5
Светлячок Искра и Ночь Без Звёзд	8
Крошка Тик и Город Стекланных Слёз	11
Облачный Кот Барсик и Планета Сухих дождей	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Eyforis Lurt

Папины Истории

Плюша и Долина Забытых Сердец

На пыльном чердаке старого дома, среди забытых вещей и сломанной мебели, лежала маленькая плюшевая зайка по имени Плюша. Когда-то она была любимой игрушкой девочки по имени Маша. Маша брала её в кровать, кормила с ложечки, катала в коляске и рассказывала ей свои самые сокровенные секреты. Плюша была счастлива. Она чувствовала тепло рук Маши, слышала её смех, видела её улыбку. Она знала, что она нужна. Она знала, что она любима. Но шло время. Маша росла. У неё появлялись новые игрушки, новые друзья, новые интересы. Плюша становилась всё менее нужной. Сначала Маша забывала взять её в кровать. Потом перестала с ней играть. Потом убрала её на полку. А потом, когда в комнате делали ремонт, Плюшу вместе с другими старыми вещами отнесли на чердак. И там она осталась. Одна. Забытая. Пыльная. Плюша лежала на старом сундуке, смотрела в маленькое окошко, через которое пробивался лунный свет, и вспоминала. Вспоминала тёплые руки Маши. Вспоминала её смех. Вспоминала её улыбку. Вспоминала, как это — быть любимой. Она не плакала. Плюшевые зайки не умеют плакать. Но если бы умели, она бы плакала. Она бы плакала о том, что её забыли. О том, что её больше не любят. О том, что она больше никому не нужна. Однажды ночью, когда луна светила особенно ярко, случилось чудо. Лунный свет, который падал на Плюшу через маленькое окошко, был не обычным. Он был живым. Он был тёплым. Он был волшебным. Он коснулся Плюши, и что-то внутри неё шевельнулось. Что-то, что спало очень долго. Что-то, что ждало своего часа. Плюша открыла глаза. Она посмотрела на свои лапки. Они двигались. Она посмотрела на своё тело. Оно двигалось. Она села. Она встала. Она сделала шаг. Она ожила. Плюша не знала, что делать. Она не знала, куда идти. Она просто пошла. Она спустилась с чердака, вышла из дома и оказалась на улице. Ночь была тёмной и холодной. Но Плюша не боялась. Она шла вперёд, потому что чувствовала, что должна. Она чувствовала, что где-то там, в темноте, её ждёт что-то важное. Она шла долго. Она шла через поля и леса, через реки и горы. И вот, когда она уже потеряла всякую надежду, она увидела долину. Это была странная долина. Небо над ней было фиолетовым, с висящими в нём огромными, светящимися лунами. Деревья были сделаны из тумана, а цветы — из воспоминаний. Воздух был пропитан запахом чего-то давно забытого, чего-то важного, но ускользающего. Это была Долина Забытых Сердец. Плюша вошла в долину. Она шла по тропинкам из тумана, и вокруг неё начали появляться странные существа. Они были похожи на игрушки, но какими-то размытыми, незавершёнными. У одних не было рук. У других — ног. Третьи были просто силуэтами, тенями, которые скользили по воздуху и тихо вздыхали. Плюша подошла к одному из существ — размытой фигуре, отдалённо напоминающей куклу, — и спросила: — Кто вы? Существо посмотрело на неё с пониманием. — Мы — забытые, — сказала оно беззвучно, и Плюша услышала его не ушами, а сердцем. — Мы — игрушки, которых перестали любить. Мы — куклы, которых бросили. Мы — мишки, которых забыли. Мы просто существуем здесь, в Долине Забытых Сердец, и ждём. — Чего вы ждёте? — спросила Плюша. — Того, кто вспомнит нас, — ответило существо. — Того, кто полюбит нас. Того, кто вернёт нам наши сердца. Потому что любовь — это то, что делает нас живыми. Любовь — это то, что делает нас нужными. Любовь — это то, что делает нас нами. Плюша слушала его и чувствовала, как что-то сжимается в её груди. Она тоже была забытой. Она тоже потеряла своё сердце. Она тоже ждала. Она пошла дальше. Тропинка вела её через туманные поля, через леса из воспоминаний, через реки из слёз. Она видела существ, которые сидели на земле и беззвучно плакали, не помня,

почему им грустно. Она видела существ, которые беззвучно смеялись, не помня, почему им весело. Она видела существ, которые смотрели в пустоту, не помня, что они ищут. И каждое из них ждало. Ждало того, кто вернёт им сердца. И вот, когда Плюша уже потеряла всякую надежду, она вышла на небольшую поляну, посреди которой сидел оловянный солдатик. Это был маленький солдатик с ружьём на плече и грустными глазами. Его мундир был помят, его треуголка съехала набок, а на одной ноге не хватало носка. Он сидел на земле и смотрел в одну точку. — Привет, — сказала Плюша. — Меня зовут Плюша. Я плюшевая зайка. Я потерялась. Солдатик посмотрел на неё. — Меня зовут Стёпа, — ответил он. — Я оловянный солдатик. Я потерял веру в себя. Плюша подошла ближе. — Ты потерял веру в себя? — спросила она. — Да, — сказал Стёпа. — Меня отлили последним. У меня не хватило олова. Я стою на одной ноге. Я не такой, как другие. Я не такой, как все. Я не нужен никому. Плюша села рядом с ним. — Я тоже не такая, как все, — сказала она. — Я плюшевая. Я мягкая. Я не умею ходить, как другие. Я не умею говорить, как другие. Но я знаю, что я нужна. Я знаю, что я любима. Я просто забыла об этом. Стёпа посмотрел на неё. — Как ты можешь знать, что ты нужна, если тебя забыли? — спросил он. — Потому что я помню, — сказала Плюша. — Я помню, как меня любили. Я помню тепло рук. Я помню смех. Я помню улыбку. И я знаю, что это было. И я знаю, что это может быть снова. Стёпа задумался. — А я не помню, — сказал он. — Я не помню, как меня любили. Я не помню, как я был нужен. Я не помню ничего. Плюша посмотрела на него. — Тогда давай найдём это вместе, — сказала она. — Давай найдём Сердце Долины. Стёпа посмотрел на неё с удивлением. — Сердце Долины? — переспросил он. — Что это? — Это волшебный цветок, — сказала Плюша. — Говорят, что он исполняет желания. Говорят, что он возвращает сердца. Говорят, что тот, кто найдёт его, обретёт то, что потерял. Стёпа задумался. — Ты правда веришь в это? — спросил он. — Да, — сказала Плюша. — Я верю. И я верю, что мы сможем его найти. Стёпа посмотрел на неё. В её глазах было столько уверенности, столько доброты, что он почувствовал, что может ей доверять. — Хорошо, — сказал он. — Я пойду с тобой. И они отправились в путь. Плюшевая зайка и оловянный солдатик. Плюша и Стёпа. Они шли по тропинкам из тумана, через леса из воспоминаний, через поля из снов. Они шли и искали Сердце Долины. По пути они разговаривали. Плюша рассказывала Стёпе о Маше, о своём доме, о том, как её любили. Стёпа рассказывал Плюше о своём детстве, о том, как его отлили, о том, как он всегда стоял на одной ноге. Они слушали друг друга и понимали. Они понимали, что они разные. Но они также понимали, что они похожи. Они оба были забыты. Они оба потеряли веру. Они оба хотели быть нужными. Ночи были холодными. Ветер дул с гор, принося с собой снег и лёд. Плюша и Стёпа дрожали от холода. Но они согревали друг друга. Плюша прижималась к Стёпе, и её мягкое тело согревало его холодный металл. Стёпа обнимал Плюшу, и его холодные руки согревали её плюшевое тело. Они делились последней крошкой хлеба. Они делились последней каплей воды. Они делились друг с другом всем, что у них было. И от этого им становилось теплее. И от этого им становилось легче. И от этого они становились ближе. Однажды они вышли на большую поляну. Посреди поляны стоял огромный цветок. Его лепестки были сделаны из света, его стебель — из звуков, его сердцевина — из любви. Это было Сердце Долины. Плюша и Стёпа остановились перед ним. Они смотрели на него, и в их сердцах было благоговение. — Вот оно, — прошептала Плюша. — Сердце Долины. Стёпа посмотрел на неё. — Что теперь? — спросил он. — Как нам загадать желание? Плюша задумалась. Она вспомнила слова куклы. «Любовь — это то, что делает нас живыми. Любовь — это то, что делает нас нужными. Любовь — это то, что делает нас нами». Она посмотрела на Стёпу. — Ты помнишь, чего ты хочешь? — спросила она. Стёпа задумался. — Я хочу снова стать нужным, — сказал он. — Я хочу, чтобы меня любили. Я хочу, чтобы у меня было сердце. Плюша посмотрела на него. — Тогда загадай это желание, — сказала она. Стёпа покачал головой. — Я не могу, — сказал он. — Я не знаю, как это делается. — Попробуй, — сказала Плюша. — Закрой глаза и попробуй. Стёпа закрыл глаза. Он постоял так немного, а потом открыл их.

— Я не могу, — сказал он. — Я не верю, что это сбудется. Плюша посмотрела на него. — Тогда я загадаю, — сказала она. Она подошла к Сердцу Долины и закрыла глаза. Она думала о Стёпе. О его грустных глазах. О его сломанном теле. О его потерянной вере. И она загадала желание. Но она загадала не своё желание. Она загадала желание Стёпы. Она пожелала, чтобы он снова стал нужным. Она пожелала, чтобы его любили. Она пожелала, чтобы у него было сердце. Она пожелала этого не для себя. Она пожелала этого для него. От её доброты цветков засиял. Его свет разлился по всей поляне, по всей долине. И все игрушки, которые жили в Долине Забытых Сердец, начали меняться. Они начали вспоминать. Они начали чувствовать. Они начали любить. Их сердца, которые молчали так долго, наконец забились. Их глаза, которые были тусклыми, наконец засветились. Их тела, которые были размытыми, наконец стали целыми. И они начали находить друг друга. Они начали обниматься. Они начали смеяться. Они начали плакать от счастья. Долина, которая раньше была долиной забытых сердец, стала долиной любви. Стёпа посмотрел на Плюшу. — Что ты загадала? — спросил он. Плюша улыбнулась. — Я загадала твоё желание, — сказала она. Стёпа посмотрел на неё. — Но почему? — спросил он. — Почему ты загадала не своё желание? — Потому что я хочу, чтобы ты был счастлив, — сказала Плюша. — Потому что я хочу, чтобы ты был нужен. Потому что я хочу, чтобы тебя любили. Стёпа посмотрел на неё. В его глазах были слёзы. Но это были слёзы счастья. — Ты самая добрая зайка в мире, — сказал он. — А ты самый храбрый солдатик в мире, — сказала Плюша. И в этот момент Стёпа почувствовал, как что-то бьётся в его груди. Что-то тёплое, светлое, живое. Это было его сердце. Оно билось. Оно жило. Оно любило. Стёпа посмотрел на Плюшу. — Я чувствую, — сказал он. — Я чувствую своё сердце. Оно бьётся. Оно живое. Оно любит. Плюша улыбнулась. — Я знала, — сказала она. — Я знала, что ты найдёшь его. Стёпа обнял Плюшу. — Спасибо, — сказал он. — Спасибо, что помогла мне. Спасибо, что вернула мне сердце. Плюша обняла его в ответ. — Это ты помог мне, — сказала она. — Ты показал мне, что любовь — это когда ты отдаёшь тепло, не ожидая ничего взамен. Они стояли посреди долины, которая расцвела всеми цветами радуги, и смотрели друг на друга. Они смотрели на свои сердца, которые бились в унисон. Они смотрели на свою любовь, которая согревала их. И они поняли что-то очень важное. Они поняли, что любовь — это когда ты отдаёшь тепло, не ожидая ничего взамен. Любовь — это когда ты помогаешь другим. Любовь — это когда ты делишься собой. Они вернулись домой. Плюша вернулась на чердак. Но теперь она не была одна. Стёпа был с ней. Они жили вместе. Плюшевая зайка и оловянный солдатик. Плюша и Стёпа. Они жили на чердаке, но им было не холодно. Потому что у них были сердца. Потому что у них была любовь. Однажды Маша, которая уже выросла и стала взрослой женщиной, пришла на чердак. Она искала старые фотографии. И она увидела Плюшу. Она взяла её в руки. Она посмотрела на её плюшевое тело, на её мягкие лапки, на её добрые глаза. И она вспомнила. Она вспомнила своё детство. Она вспомнила, как любила эту зайку. Она вспомнила, как брала её в кровать. Она вспомнила, как кормила её с ложечки. Она вспомнила, как рассказывала ей свои секреты. И она заплакала. Она заплакала от счастья. Она заплакала от любви. — Плюша, — прошептала она. — Плюша, я так скучала по тебе. Я так тебя люблю. И она обняла Плюшу. И Плюша почувствовала тепло её рук. Она почувствовала её смех. Она почувствовала её любовь. И Плюша улыбнулась. Она улыбнулась, потому что была нужна. Она улыбнулась, потому что была любима. Она улыбнулась, потому что любовь — это когда ты отдаёшь тепло, не ожидая ничего взамен. И это было самое большое счастье, которое только может быть.

Светлячок Искра и Ночь Без Звёзд

В самом сердце древнего леса, где вековые дубы переплетали свои ветви в плотный, почти непроницаемый купол, а ручьи журчали так мелодично, что казалось, будто сама природа поёт колыбельную, жил-был маленький светлячок по имени Искра. Он был совсем крошечным — меньше самой маленькой капли росы, меньше самой лёгкой пушинки одуванчика, меньше самого слабого дуновения ветра. Но самым главным в нём было то, что его огонёк был очень тусклым. Пока другие светлячки сияли ярко, словно маленькие звёздочки, пока они освещали лес своими волшебными огоньками, Искра едва мерцал. Его свет был слабым, дрожащим, неуверенным. Он был похож на огонёк свечи, которая вот-вот погаснет. Искра очень стеснялся своего тусклого огонька. Ему казалось, что он недостаточно хорош. Ему казалось, что он не такой, как все. Ему казалось, что он никому не нужен. Он часто прятался в траве, когда другие светлячки вылетали на поляну и устраивали свои волшебные танцы. Он смотрел на них и чувствовал, как что-то сжимается в его крошечной груди. Это была грусть. Это была зависть. Это была тоска по тому, чтобы быть таким же ярким, таким же красивым, таким же нужным. Однажды случилась беда. Ночь опустилась на лес, но это была не обычная ночь. Это была Ночь Без Звёзд. Небо, которое обычно было усыпано мириадами ярких, холодных звёзд, стало абсолютно чёрным. Ни одной искорки, ни одной точки света, ни одного лучика надежды. Лес погрузился в такую густую, первобытную тьму, какой Искра не мог себе даже вообразить. Это была не просто ночь. Это была бездна. Тьма была настолько плотной, что, казалось, её можно было потрогать, настолько тяжёлой, что она давила на плечи, настолько абсолютной, что в ней растворялись все звуки, все запахи, все мысли. Звери, которые жили в лесу, начали паниковать. Белочки прятались в дуплах и дрожали от страха. Зайчата сбились в кучу и плакали. Птицы перестали петь. Даже самые смелые и сильные звери — медведи, волки, олени — чувствовали, как страх ледяной волной накрывает их с головой. Они не могли найти дорогу домой. Они не могли найти еду. Они не могли найти друг друга. Лес, который всегда был полон света и жизни, стал тёмным и страшным. Искра тоже испугался. Он спрятался в самой глубине старого пня и свернулся в комочек. Его огонёк, который и так был тусклым, почти погас от страха. Он дрожал всем телом и думал: «Что же теперь будет? Как мы выживем в этой тьме? Кто вернёт нам свет?» Он думал об этом долго. Он думал об этом, пока страх не начал отступать. Он думал об этом, пока в его крошечном сердце не загорелась искра надежды. И тогда он понял. Он понял, что должен что-то сделать. Он понял, что не может просто сидеть и ждать, пока тьма поглотит их всех. Он понял, что должен отправиться в путь. Он слышал легенду о Небесном Дереве. Говорили, что где-то в самом центре леса растёт огромное дерево, чьи ветви касаются неба. Говорили, что на этом дереве растут звёзды. Говорили, что если звёзды гаснут, то их можно зажечь снова. Говорили, что тот, кто найдёт Небесное Дерево, сможет вернуть свет. Искра решил, что должен попробовать. Он не знал, получится ли у него. Он не знал, сможет ли он найти это дерево. Он не знал, хватит ли у него сил. Но он знал, что должен попробовать. Ради всех зверей. Ради леса. Ради света. Он вылез из своего пня и отправился в путь. Тьма вокруг была абсолютной, но его крошечный огонёк, который обычно был таким тусклым, теперь казался ему спасительным маяком. Он летел вперёд, освещая себе путь, и тьма отступала перед ним. Не полностью, но достаточно, чтобы он мог видеть, куда летит. Он летел долго. Он летел через тёмные чащи, через холодные ручьи, через страшные овраги. Он летел, и его огонёк становился чуть ярче с каждым взмахом крыльев. Потому что теперь у него была цель. Теперь у него была надежда. И вот, когда он уже начал уставать, он услышал тихий, дрожащий голосок. — Помогите... пожалуйста... помогите... Искра остановился. Он прислушался. Голос доносился откуда-то снизу, из густой травы. Он опустился ниже и увидел маленькую гусеницу. Она была зелёной, с мягкими волосками и большими, грустными гла-

зами. Она лежала на листке и дрожала от холода и страха. — Привет, — сказал Искра. — Меня зовут Искра. Я светлячок. Ты кто? Гусеница подняла на него глаза. — Меня зовут Гуся, — прошептала она. — Я гусеница. Я потерялась. Я не могу найти свой дом. Я так боюсь этой тьмы. Искра посмотрел на неё. Он видел, что ей холодно. Он видел, что ей страшно. Он видел, что она одинока. — Не бойся, — сказал он. — Я с тобой. Я посвечу тебе. И он подлетел ближе. Его огонёк, который обычно был таким тусклым, теперь светил чуть ярче. Он освещал Гусю, и ей становилось теплее. Ей становилось спокойнее. Ей становилось не так страшно. — Спасибо, — сказала Гуся. — Спасибо, что посветил мне. Ты такой добрый. Искра смутился. — Я не добрый, — сказал он. — Я просто... я просто маленький светлячок с тусклым огоньком. Я никому не нужен. Гуся посмотрела на него. — Как это — никому не нужен? — спросила она. — Ты нужен мне. Ты посветил мне. Ты согрел меня. Ты спас меня. Искра задумался. Он никогда не думал о себе так. Он никогда не думал, что его тусклый огонёк может быть кому-то нужен. — Правда? — спросил он. — Правда, — сказала Гуся. — Ты самый нужный светлячок в мире. Искра улыбнулся. Это была первая улыбка за долгое время. — Спасибо, — сказал он. — Спасибо, что сказала это. Они пошли дальше вместе. Искра летел впереди, освещая путь, а Гуся ползла за ним, согреваясь его теплом. Они разговаривали. Гуся рассказывала о своей жизни. О том, как она ползала по листьям, ела траву, мечтала о том, чтобы стать красивой. — Я такая некрасивая, — сказала она. — Я зелёная, волосатая, неуклюжая. Я не умею летать. Я не умею петь. Я не умею ничего. Искра посмотрел на неё. — Ты не некрасивая, — сказал он. — Ты просто... ты просто ещё не стала собой. — Как это? — спросила Гуся. — Все гусеницы становятся бабочками, — сказал Искра. — Ты тоже станешь бабочкой. Ты будешь красивой. Ты будешь летать. Ты будешь петь. Гуся задумалась. — Ты правда веришь в это? — спросила она. — Да, — сказал Искра. — Я верю. И он продолжал светить ей. Он светил ей всю ночь. Он светил ей, когда она уставала. Он светил ей, когда ей было холодно. Он светил ей, когда ей было страшно. И его свет, который обычно был таким тусклым, становился всё ярче и ярче. Потому что он светил не для себя. Он светил для неё. И вот, на рассвете, когда тьма начала отступать, случилось чудо. Гуся, которая всю ночь ползла за Искрой, вдруг остановилась. Она почувствовала, как что-то внутри неё меняется. Что-то тёплое, светлое, живое. Она начала меняться. Её зелёная кожа начала темнеть. Её волоски начали исчезать. Её тело начало сжиматься. И вот, через несколько мгновений, перед Искрой стояла не гусеница, а куколка. — Что происходит? — испугалась Гуся. — Не бойся, — сказал Искра. — Это превращение. Ты становишься бабочкой. Куколка начала трескаться. И из неё появилась бабочка. Это была самая красивая бабочка, которую Искра когда-либо видел. Её крылья были яркими, переливающимися всеми цветами радуги. Её тело было изящным и лёгким. Её глаза были большими и добрыми. — Я... я бабочка? — прошептала Гуся. — Да, — сказал Искра. — Ты бабочка. Ты красивая. Ты можешь летать. Гуся взмахнула крыльями. Она поднялась в воздух. Она летала! Она действительно летала! Она кружилась в воздухе, и её смех звенел в утреннем небе. — Спасибо! — закричала она. — Спасибо, Искра! Ты помог мне! Ты поверил в меня! Искра смотрел на неё и чувствовал, как что-то тёплое разливается по его телу. Это было счастье. Настоящее счастье. Он помог. Он поверил. Он спас. — Ты самая красивая бабочка в мире, — сказал он. — А ты самый добрый светлячок в мире, — сказала Гуся. Они продолжили путь. Теперь Гуся летела рядом с Искрой. Её крылья согревали его, когда ему становилось холодно. Её присутствие придавало ему сил. Её любовь делала его свет ярче. Наконец они добрались до Небесного Дерева. Это было огромное дерево, чьи ветви касались неба. На его ветвях висели звёзды. Но они были погасшими. Тусклыми. Мёртвыми. Искра подлетел к самой нижней ветке. Он посмотрел на погасшую звезду. Она была большой и холодной. — Что теперь? — спросила Гуся. — Как зажечь их? Искра задумался. Он не знал, как это делается. Он не знал, что нужно делать. Но он знал, что должен попробовать. Он подлетел к звезде и коснулся её своим огоньком. Ничего не произошло. Звезда осталась погасшей. Искра попробовал ещё раз. И ещё раз. И ещё раз.

Но ничего не получалось. — Я не могу, — прошептал он. — Я слишком маленький. Мой огонёк слишком тусклый. Я не могу зажечь звёзды. Гуся подлетела к нему. — Не сдавайся, — сказала она. — Ты можешь. Ты самый смелый светлячок в мире. Искра посмотрел на неё. Он посмотрел на её красивые крылья, на её добрые глаза, на её любовь. И он почувствовал, как что-то в нём меняется. Что-то тёплое, светлое, живое. Он вспомнил, как светил ей всю ночь. Как он согревал её. Как он верил в неё. И он понял. Он понял, что его свет — это не просто огонёк. Это любовь. Это доброта. Это вера. И он подумал о Гусе. О том, как она нужна ему. О том, как он любит её. О том, как он хочет, чтобы она была счастлива. И от этой любви его огонёк разгорелся. Он разгорелся так ярко, так тепло, так живо, что осветил всё вокруг. Он разгорелся ярче всех звёзд на небе. Он разгорелся ярче солнца. Он разгорелся ярче самой яркой звезды во вселенной. И его свет коснулся погасшей звезды. И звезда зажглась. Она засияла ярко, тепло, живо. Потом зажглась вторая звезда. Потом третья. Потом десятая. Потом сотая. Потом тысячи. Небо, которое было чёрным и пустым, начало наполняться светом. Оно начало наполняться жизнью. Оно начало наполняться любовью. Искра смотрел на это чудо и не мог поверить своим глазам. Он сделал это. Он зажгёт звёзды. Он вернул свет. Он спас лес. Гуся подлетела к нему. — Ты сделал это! — воскликнула она. — Ты зажгёт звёзды! Искра посмотрел на неё. — Мы сделали это, — сказал он. — Мы сделали это вместе. Гуся улыбнулась. — Да, — сказала она. — Мы сделали это вместе. Они вернулись в лес. Лес, который был тёмным и страшным, снова стал светлым и радостным. Звери, которые прятались и дрожали, снова вышли на поляны. Они смеялись. Они играли. Они радовались. Они смотрели на небо, усыпанное яркими звёздами, и благодарили того, кто вернул им свет. Искра больше не стеснялся своего огонька. Он знал, что его свет — это не просто огонёк. Это любовь. Это доброта. Это вера. Он знал, что даже самый маленький свет — это великая магия. Он знал, что даже самый маленький свет может осветить целый мир, если он идёт от сердца. И он был счастлив. Он был счастлив, потому что помог другим. Он был счастлив, потому что нашёл друга. Он был счастлив, потому что понял, что даже самый маленький свет — это великая магия. Гуся была рядом с ним. Она всегда была рядом. Она была его другом. Она была его семьёй. Она была его сердцем. И вместе они светили. Они светили для всех. Они светили для леса. Они светили для мира. Потому что они знали секрет. Секрет, который знают немногие. Секрет, который заключается в том, что даже самый маленький свет — это великая магия. И они были самыми яркими существами во всех мирах. Потому что они умели любить.

Крошка Тик и Город Стеклянных Слёз

Внутри старых напольных часов, которые стояли в гостиной старого дома, жил-был маленький часовой человечек по имени Тик. Он был совсем крошечным — меньше самой маленькой шестерёнки, меньше самой тонкой пружинки, меньше самого лёгкого маятника. Но самым главным в нём было то, что он всегда боялся опоздать. Он боялся опоздать на работу. Он боялся опоздать на обед. Он боялся опоздать на прогулку. Он боялся опоздать даже на собственный день рождения. Всю свою жизнь Тик проводил внутри часов, следя за тем, чтобы стрелки двигались правильно, чтобы маятник качался равномерно, чтобы бой происходил вовремя. Он был хранителем времени. Он был рабом времени. Он был пленником времени. Каждое утро Тик просыпался от тиканья часов и сразу же начинал проверять, всё ли идёт по плану. Он бегал по лабиринтам шестерёнок, смазывал пружинки, поправлял маятник. Он делал это быстро, очень быстро. Он делал это так быстро, что иногда сам себя не успевал. Он жил в постоянной спешке. Он жил в постоянном страхе. Он жил в постоянной тревоге. Однажды, когда Тик особенно сильно спешил — ему нужно было успеть смазать главную пружину до того, как часы пробьют полдень, — он поскользнулся на капельке масла и упал. Он падал долго, очень долго. Он падал в темноту, и вместе с ним исчезало его чувство времени. Когда Тик очнулся, он обнаружил, что лежит на холодном, гладком полу. Вокруг него был странный мир. Небо здесь было серым, с висящими в нём огромными, тяжёлыми тучами. Дома были сделаны из стекла, и по их стенам текли ручьи слёз. Воздух был пропитан запахом соли и печали. Это был Город Стеклянных Слёз. Тик встал и огляделся. Он увидел, что город полон существ. Они были похожи на людей, но какими-то размытыми, незавершёнными. У одних не было улыбок. У других — надежды. Третьи были просто силуэтами, теньями, которые скользили по улицам и тихо плакали. Тик подошёл к одному из существ — размытой фигуре, отдалённо напоминающей старика, — и спросил: — Кто вы? Существо посмотрело на него с пониманием. — Мы — плачущие, — сказало оно беззвучно, и Тик услышал его не ушами, а сердцем. — Мы плачем, потому что не умеем прощать. Мы плачем, потому что не умеем отпускать. Мы плачем, потому что не умеем любить. Мы просто существуем здесь, в Городе Стеклянных Слёз, и ждём. — Чего вы ждёте? — спросил Тик. — Того, кто научит нас прощать, — ответило существо. — Того, кто научит нас отпускать. Того, кто научит нас любить. Потому что прощение — это то, что останавливает слёзы. Прощение — это то, что лечит раны. Прощение — это то, что возвращает смех. Тик слушал его и чувствовал, как что-то сжимается в его груди. Он тоже боялся. Он тоже не умел прощать. Он тоже не умел отпускать. Он тоже не умел любить. Он пошёл дальше. Тропинка вела его через стеклянные улицы, через площади из слёз, через мосты из печали. Он видел существ, которые сидели на земле и плакали, не помня, почему им грустно. Он видел существ, которые смотрели в пустоту, не помня, что они ищут. Он видел существ, которые молчали, не помня, что они хотят сказать. И каждое из них ждало. Ждало того, кто научит их прощать. И вот, когда Тик уже потерял всякую надежду, он вышел на небольшую площадь, посреди которой сидела девочка. Это была маленькая девочка с прозрачными, словно стеклянными, волосами и грустными глазами. Она сидела на краю фонтана, в котором вместо воды были слёзы, и смотрела в одну точку. — Привет, — сказал Тик. — Меня зовут Тик. Я часовой человечек. Я выпал из часов. Девочка подняла на него глаза. — Меня зовут Капелька, — сказала она. — Я живу здесь, в Городе Стеклянных Слёз. Я потеряла смех. Тик подошёл ближе. — Ты потеряла смех? — спросил он. — Да, — сказала Капелька. — Я не помню, как это — смеяться. Я не помню, как это — радоваться. Я не помню, как это — быть счастливой. Я просто... я просто плачу. Тик сел рядом с ней. — Я тоже потерял, — сказал он. — Я потерял чувство времени. Я не знаю, сколько сейчас времени. Я не знаю, опаздываю я или нет. Я не знаю, что делать. Капелька посмотрела на него. — Мы похожи, —

сказала она. — Ты потерял время. Я потеряла смех. Но, может быть, мы можем помочь друг другу? Тик задумался. — Как? — спросил он. Капелька посмотрела на свои руки. — Я не знаю, — сказала она. — Я не знаю, как вернуть смех. Я не знаю, что для этого нужно. Тик посмотрел на неё. Он смотрел на её прозрачные волосы, на её грустные глаза, на её руки, которые дрожали. И он почувствовал, что должен помочь. Он должен попробовать. Он оглядел себя. У него было много разных частей: шестерёнки, винтики, пружинки. Но самой ценной была его главная пружинка. Она была сделана из чистого золота и светилась изнутри. Она была его сердцем. Она была его жизнью. Она была его сокровищем. Тик посмотрел на пружинку. Потом на Капельку. Потом снова на пружинку. И он понял, что должен сделать. — Вот, — сказал он, протягивая ей пружинку. — Возьми это. Капелька посмотрела на пружинку. — Что это? — спросила она. — Это моя главная пружинка, — сказал Тик. — Она самая ценная вещь, которая у меня есть. Она делает меня живым. Она делает меня собой. Но я хочу отдать её тебе. Капелька покачала головой. — Я не могу, — сказала она. — Это твоё сокровище. Я не могу его взять. — Пожалуйста, — сказал Тик. — Я хочу, чтобы ты снова смеялась. Я хочу, чтобы ты была счастлива. Я хочу, чтобы ты жила. Капелька посмотрела на него. В его глазах было столько доброты, столько тепла, столько любви, что она почувствовала, что не может отказать. Она протянула руку и взяла пружинку. И в этот момент что-то произошло. Пружинка, которая была холодной и твёрдой, начала согреваться в её руках. Она начала светиться. Она начала петь. И Капелька почувствовала, как что-то внутри неё меняется. Что-то тёплое, светлое, живое. Она почувствовала, как уголки её губ начинают подниматься. Она почувствовала, как в её груди начинает расти что-то, чего она не чувствовала очень давно. Это был смех. Капелька засмеялась. Это был первый смех за много лет. Он был звонким, как колокольчик, чистым, как горный ручей, радостным, как пение птиц на рассвете. Он вырвался из её груди и разлетелся по всему городу, отражаясь от стеклянных домов, от стеклянных улиц, от стеклянных сердец. И случилось чудо. Слёзы, которые текли по стенам домов, начали светиться. Они начали переливаться всеми цветами радуги. Они начали превращаться в радугу. Радуга поднялась над городом, соединив небо и землю. Она была яркой, красивой, живой. Она была символом надежды. Она была символом прощения. Она была символом любви. И люди, которые жили в городе, начали улыбаться. Они начали смеяться. Они начали прощать. Они начали отпускать. Они начали любить. Город Стеклянных Слёз перестал быть городом слёз. Он стал городом радуги. Он стал городом смеха. Он стал городом любви. Тик смотрел на это чудо и не мог поверить своим глазам. Он сделал это. Он помог. Он вернул смех. Он спас город. Капелька подбежала к нему. — Ты сделал это! — воскликнула она. — Ты вернул мне смех! Тик посмотрел на неё. — Это ты сделала, — сказал он. — Это ты засмеялась. Это ты спасла город. Капелька покачала головой. — Нет, — сказала она. — Это ты отдал мне свою пружинку. Это ты пожертвовал своим сокровищем. Это ты научил меня смеяться. Тик улыбнулся. — Я рад, — сказал он. — Я рад, что смог помочь. Капелька посмотрела на пружинку, которая всё ещё была в её руках. — А как же ты? — спросила она. — Как ты будешь жить без своей пружинки? Тик задумался. Он не знал ответа. Он не знал, что с ним будет. Но он знал, что не жалеет о том, что сделал. — Я не знаю, — сказал он. — Но это неважно. Важно то, что ты снова смеёшься. Важно то, что город снова живёт. Важно то, что любовь победила. И в этот момент пружинка в руках Капельки засияла ещё ярче. Она начала расти. Она начала меняться. Она начала превращаться во что-то новое. И вот, через мгновение, перед Тиком стояла не пружинка, а новое сердце. Оно было сделано из света и любви. Оно было сделано из смеха и радости. Оно было сделано из всего того, что Тик отдал Капельке. — Это твоё, — сказала Капелька, протягивая ему сердце. — Это твоё новое сердце. Оно больше и ярче, чем старое. Потому что оно сделано из любви. Тик взял сердце. Он почувствовал, как оно бьётся в его руках. Оно билось ровно, тепло, живо. Оно билось для него. Оно билось для других. Оно билось для любви. — Спасибо, — сказал Тик. — Спасибо, что вернула мне сердце. Капелька улыбнулась. — Это ты вернул мне смех, — сказала

она. — Это ты вернул мне жизнь. Они стали друзьями. Часовой человечек и девочка Капелька. Тик и Капелька. Они проводили вместе всё время. Они гуляли по городу. Они играли. Они смеялись. Они радовались. Они любили. И город, который раньше был серым и печальным, стал ярким и счастливым. Он стал городом радуги. Однажды Капелька спросила Тика: — Тик, а ты не жалеешь, что выпал из часов? Тик задумался. Он вспомнил, как всегда боялся опоздать. Вспомнил, как всегда спешил. Вспомнил, как всегда был один. — Нет, — сказал он. — Я не жалею. Потому что если бы я не выпал, я бы не попал в этот город. Если бы я не выпал, я бы не встретил тебя. Если бы я не выпал, я бы не понял, что время лечит, но любовь лечит быстрее. Капелька посмотрела на него. — Ты самый добрый часовой человечек в мире, — сказала она. — А ты самая смелая девочка в мире, — сказал Тик. — Потому что ты научилась смеяться. Капелька улыбнулась. — Мы оба научились, — сказала она. — Мы научились, потому что были вместе. Тик кивнул. — Да, — сказал он. — Мы научились, потому что были вместе. Они продолжили жить в городе. Они жили, помогая другим. Они жили, делясь друг с другом. Они жили, любя друг друга. И они были счастливы. Они были счастливы, потому что помогли другим. Они были счастливы, потому что нашли друзей. Они были счастливы, потому что научились любить. И их история — история о том, что время лечит, но любовь лечит быстрее, — передавалась из уст в уста, от сердца к сердцу, от друга к другу. И каждый, кто слышал её, понимал что-то важное. Понимал, что не нужно бояться опоздать. Понимал, что не нужно бояться плакать. Понимал, что время лечит, но любовь лечит быстрее. И Тик знал это. Он знал это лучше, чем кто-либо другой. Потому что он был часовым человечком, который боялся опоздать. Часовым человечком, который нашёл друга. Часовым человечком, который понял, что время лечит, но любовь лечит быстрее. И он был счастлив. Он был счастлив, потому что помог другим. Он был счастлив, потому что нашёл друга. Он был счастлив, потому что научился любить. И это было самое большое счастье, которое только может быть.

Облачный Кот Барсик и Планета Сухих дождей

В небесах, там, где облака рождаются из дыхания ветра и света, жил-был необычный кот. Его звали Барсик, и он родился из облака. Да, вы не ослышались — он родился из облака. Однажды утром, когда солнце только начинало золотить края небес, одно маленькое облачко, пушистое и белое, как взбитые сливки, вдруг почувствовало, что ему хочется чего-то большего. Оно хотело не просто плыть по небу, не просто смотреть на мир сверху вниз. Оно хотело быть живым. Оно хотело чувствовать. Оно хотело любить. И тогда облако собрало всю свою нежность, всё своё тепло, всю свою любовь, и из него родился котёнок. Это был Барсик.

Барсик был не похож на обычных котов. Его шерстка была мягкой, как утренний туман. Его глаза были глубокими, как небо перед грозой. А его мурлыканье... его мурлыканье было особенным. Когда Барсик мурлыкал, с неба начинал идти дождь. Но это был не обычный дождь. Это был тёплый, ласковый, живой дождь. Дождь, который пах свежестью и надеждой. Дождь, который согревал землю и наполнял сердца радостью. Барсик жил в небесах, среди облаков. Он играл с ветрами, разговаривал со звёздами, пел песни луне. Он был счастлив. Он был свободен. Он был дома. Но однажды он почувствовал, что где-то далеко-далеко, в другой галактике, в другом измерении, есть место, которое нуждается в нём. Место, где дождь идёт, но не касается земли. Место, где жители разучились радоваться. Место, которое ждёт его мурлыканья. И Барсик отправился в путь. Он шёл по звёздным дорогам, через туманности и галактики, через чёрные дыры и сверкающие кометы. Он шёл долго, очень долго. Но он не уставал. Потому что он знал, что идёт не просто так. Он идёт, чтобы помочь. Он идёт, чтобы любить. Он идёт, чтобы быть нужным.

Когда Барсик arrived на Планету Сухих дождей, он был поражён тем, что увидел. Это была планета, покрытая песком и камнями. Небо над ней было серым, тяжёлым, полным туч. И из этих туч шёл дождь. Но дождь не касался земли. Капли дождя падали вниз, но, не долетев до поверхности, растворялись в воздухе, превращаясь в пар. Земля была сухой. Земля была мёртвой. Земля ждала воды. Барсик пошёл по этой планете. Он видел существ, которые жили здесь. Они были похожи на кактусы — колючие, твёрдые, закрытые. Они сидели на земле и смотрели в небо. Они видели дождь, но не чувствовали его. Они видели воду, но не могли её выпить. Они видели жизнь, но не могли её жить. — Почему дождь не касается земли? — спросил Барсик у одного из существ. Существо посмотрело на него. — Потому что мы разучились радоваться, — сказала оно беззвучно, и Барсик услышал его не ушами, а сердцем. — Мы забыли, что такое счастье. Мы забыли, что такое любовь. Мы забыли, что такое жизнь. И пока мы не вспомним, дождь не будет касаться земли. Барсик слушал его и чувствовал, как что-то сжимается в его груди. Он понял, что должен помочь. Он понял, что должен вернуть им радость. Он понял, что должен сделать так, чтобы дождь коснулся земли. Он пошёл дальше. Он шёл по пустыне, по камням, по песку. Он искал кого-то, кто ещё не потерял надежду. Кого-то, кто ещё помнит, что такое радость. Кого-то, кто ждёт его. И он нашёл его. На краю пустыни, в маленькой трещине в земле, рос кактусёнок. Это был совсем крошечный кактус — с мягкими колючками, с бледным стеблем, с маленькими, закрытыми глазками. Он был похож на ёжика, который свернулся в клубок. — Привет, — сказал Барсик. — Меня зовут Барсик. Я кот. Я родился из облака. Кактусёнок открыл глаза. Они были большими и грустными. — Меня зовут Колючка, — сказал он. — Я кактусёнок. Я хочу пить. Барсик подошёл ближе. — Ты хочешь пить? — спросил он. — Да, — сказал Колючка. — Я хочу пить. Я хочу, чтобы дождь коснулся земли. Я хочу, чтобы вода напоила меня. Я хочу жить. Барсик посмотрел на него. Он смотрел на его бледный стебель, на его закрытые глазки, на его дрожащие колючки. И он почувствовал, что должен помочь. Он должен попробовать. — Я могу помочь тебе, — сказал Барсик. — Я умею мурлыкать дождь. Колючка посмотрел на него с удивлением. — Ты умеешь мурлы-

каль дождь? — спросил он. — Да, — сказал Барсик. — Когда я мурлычу, с неба идёт дождь. Но это не обычный дождь. Это тёплый, ласковый, живой дождь. Дождь, который согревает землю и наполняет сердца радостью. Колючка задумался. — А ты можешь помурлыкать для меня? — спросил он. — Можешь сделать так, чтобы дождь коснулся земли? Барсик кивнул. — Я попробую, — сказал он. Он сел рядом с Колючкой. Он посмотрел на него. Он подумал о том, как Колючка хочет пить. О том, как он хочет жить. О том, как он хочет радоваться. И он начал мурлыкать. Сначала тихо, едва слышно. Потом громче. Потом ещё громче. Его мурлыканье было похоже на песню. Песню о небе, о свободе, о любви. Песню о том, как хорошо быть живым. Песню о том, как хорошо делиться собой с другими. И случилось чудо. Капли дождя, которые падали с неба, начали замедляться. Они начали светиться. Они начали согреваться. И вот, одна капля коснулась земли. Потом вторая. Потом третья. Потом десятая. Потом сотая. Потом тысячи. Дождь коснулся земли. Он полился на пустыню. Он напоил землю. Он напоил Колючку. Колючка почувствовал, как вода касается его стебля. Она была тёплой, мягкой, живой. Она была самой вкусной водой, которую он когда-либо пробовал. — Спасибо! — воскликнул он. — Спасибо, Барсик! Ты напоил меня! Ты спас меня! Барсик смотрел на него и чувствовал, как что-то тёплое разливается по его телу. Это было счастье. Настоящее счастье. Он помог. Он напоил. Он спас. И в этот момент Колючка начал меняться. Его бледный стебель начал зеленеть. Его колючки начали расти. Его глазки начали светиться. И вот, на его верхушке появился бутон. Бутон начал расти, набухать, раскрываться. И вот, перед Барсиком расцвёл удивительный цветок. Он был ярким, красивым, живым. Он был похож на маленькое солнце. Он светился изнутри. Он пах любовью. — Я расцвёл! — воскликнул Колючка. — Я расцвёл! Я снова живу! Я снова радуюсь! Я снова люблю! Барсик смотрел на него и не мог поверить своим глазам. Он сделал это. Он помог. Он вернул жизнь. И от радости Колючки дождь начал идти по всей планете. Он полился на пустыни, на камни, на песок. Он напоил землю. Он напоил всех существ, которые жили здесь. И существа, которые раньше были колючими, твёрдыми, закрытыми, начали меняться. Они начали зеленеть. Они начали расти. Они начали расцветать. Они начали радоваться. Они начали любить. Планета Сухих дождей перестала быть планетой сухих дождей. Она стала планетой живых дождей. Она стала планетой радости. Она стала планетой любви. Барсик стоял посреди этого чуда и смотрел на него. Он смотрел, как планета оживает. Он смотрел, как существа расцветают. Он смотрел, как тьма отступает. И он понял что-то очень важное. Он понял, что любовь — это когда твоё мурлыканье становится дождём для того, кто хочет пить. Любовь — это когда ты отдаёшь себя другим. Любовь — это когда ты делишься собой. Колючка подошёл к нему. — Спасибо, — сказал он. — Спасибо, что помог мне. Спасибо, что напоил меня. Спасибо, что вернул мне жизнь. Барсик покачал головой. — Это ты помог мне, — сказал он. — Ты показал мне, что я могу помогать. Ты показал мне, что я могу любить. Ты показал мне, что любовь — это когда твоё мурлыканье становится дождём для того, кто хочет пить. Колючка улыбнулся. — Ты самый добрый кот в мире, — сказал он. — А ты самый храбрый кактусёнок в мире, — сказал Барсик. — Потому что ты научился радоваться. Колючка посмотрел на него. — Мы оба научились, — сказал он. — Мы научились, потому что были вместе. Барсик кивнул. — Да, — сказал он. — Мы научились, потому что были вместе. Они стали друзьями. Кот и кактусёнок. Барсик и Колючка. Они проводили вместе всё время. Они гуляли по планете. Они играли. Они смеялись. Они радовались. Они любили. Барсик больше никогда не уходил с этой планеты. Он остался здесь. Он жил здесь. Он мурлыкал дождь для всех, кто хотел пить. Он мурлыкал дождь для всех, кто хотел радоваться. Он мурлыкал дождь для всех, кто хотел любить. И планета становилась всё ярче. И существа становились всё счастливее. И дождь становился всё теплее. Однажды Колючка спросил Барсика: — Барсик, а ты не жалеешь, что покинул небеса? Не жалеешь, что оставил облака? Барсик задумался. Он вспомнил небеса. Вспомнил облака. Вспомнил звёзды. Вспомнил свободу. — Нет, — сказал он. — Я не жалею. Потому что если бы я не покинул небеса, я бы не попал

на эту планету. Если бы я не покинул небеса, я бы не встретил тебя. Если бы я не покинул небеса, я бы не понял, что любовь — это когда твоё мурлыканье становится дождём для того, кто хочет пить. Колючка посмотрел на него. — Ты самый добрый кот в мире, — сказал он. — А ты самый красивый цветок в мире, — сказал Барсик. Колючка улыбнулся. — Мы дополняем друг друга, — сказал он. — Ты кот, я кактус. Ты мурлычешь, я расцветаю. Ты даёшь, я принимаю. Мы — команда. Барсик кивнул. — Да, — сказал он. — Мы — команда. Они продолжили жить вместе. Кот и кактусёнок. Барсик и Колючка. Они жили на планете, которая больше не была планетой сухих дождей. Они жили на планете, которая стала планетой живых дождей. Они жили, помогая другим. Они жили, делясь друг с другом. Они жили, любя друг друга. И они были счастливы. Они были счастливы, потому что помогли другим. Они были счастливы, потому что нашли друзей. Они были счастливы, потому что научились любить. И их история — история о том, что любовь — это когда твоё мурлыканье становится дождём для того, кто хочет пить, — передавалась из уст в уста, от сердца к сердцу, от друга к другу. И каждый, кто слышал её, понимал что-то важное. Понимал, что не нужно бояться отдавать. Понимал, что не нужно бояться делиться. Понимал, что любовь — это когда твоё мурлыканье становится дождём для того, кто хочет пить. И Барсик знал это. Он знал это лучше, чем кто-либо другой. Потому что он был котом, который родился из облака. Котом, который умел мурлыкать дождь. Котом, который нашёл друга. Котом, который понял, что любовь — это когда твоё мурлыканье становится дождём для того, кто хочет пить. И он был счастлив. Он был счастлив, потому что помог другим. Он был счастлив, потому что нашёл друга. Он был счастлив, потому что научился любить. И это было самое большое счастье, которое только может быть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.